

Проявления влияния православно-славянской и западной цивилизаций в экономической лексике белорусских земель периода средневековья.

г. Брест

Н.Н. Ковалёва

Язык, как явление национальной культуры, безусловно, отражает исторический опыт данного народа и, в определённой степени, опыт контактировавших с ним народов. Использование филологами сравнительно-исторического метода при исследовании взаимодействия языков помогает «определить новые пласты лексической общности между разными... языками и соответствия между ними в процессах семантических изменений». [5] Это даёт возможность обосновать закономерности семантического развития слова. У историков, работающих в области исторического языкознания, несколько иные задачи, связанные с выявлением основных направлений заимствований в области лексики и социальных, культурных, исторических условий, которые способствуют языковым заимствованиям.

Полная историческая лексикология любого языка может быть написана только после изучения тематических групп лексики как внутри одного языка, так и в межъязыковых сопоставлениях. Экономическая лексика всегда развивалась более динамично, чем другие группы лексики, потому что языковые заимствования осуществлялись, прежде всего, в процессе торговли.[5] С точки зрения марксистской науки, в лексике, как одной из сторон языка, наиболее чётко выявляется связь языка, как «практического сознания» (определение языка у Маркса) с его общественно-экономической базой. По Марксу, изменения в лексике вызываются, прежде всего, сменой одних форм производства, общественности, быта, идеологии другими. Названия новых предметов и явлений входят в лексику в качестве неологизмов, то просачиваясь в нее медленно и незаметно (в эпохи стабилизации соответствующих общественных формаций), то врываясь бурной волной (в эпохи революционных сдвигов в экономике и общественности). При этом – поскольку «страна промышленно более развитая показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» (К. Маркс) – пополнение лексики часто происходит путем заимствования слов из языка экономически, технически, политически более передовых стран.[4]

С этим утверждением можно согласиться, однако, стоит отметить, что многократно подвергнутый критике пресловутый «экономический детерминизм», присущий марксистскому пониманию истории, проявился и в подобном толковании причин изменений экономической лексики. Действительно, существует и ряд других факторов, влияющих на формирование экономической лексики. В соответствии с получившей широкое распространение концепцией географического детерминизма, одним из базовых компонентов, предопределяющих развитие этноса, является природно-географическая среда обитания, «кормящий ландшафт» (по

терминологии Л.Н. Гумилёва). Если народы живут в сходных природных условиях, языковые заимствования между ними осуществляются легче. Изменения в экономической лексике зачастую происходят и в связи с насильственным подчинением одного народа другим в ходе военных столкновений (как это было в процессе завоевания русских земель татаро-монголами) и вследствие попадания данного народа под иное цивилизационное воздействие. Согласно С.Хантингтону, цивилизацию можно определить «как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей».[6] Определение цивилизационной принадлежности даёт возможность понять национальный менталитет, как особый способ видения мира. А связанное с ментальными особенностями духовного мира народа и мира реалий историческое сознание отражается и закрепляется в слове, в языке.

Белорусский язык формировался в условиях различных цивилизационных воздействий, которые проявлялись то поочерёдно, то одновременно. Географическое расположение Беларуси на культурно-цивилизационных осях «Север–Юг» и «Запад–Восток» предопределило её срединный геополитический статус – флуктуации (от лат.Fluctuation – колебание) между культурно-цивилизационными Севером – Югом и Востоком – Западом. [3,9] С принятием в X в. христианства восточного обряда все земли Древней Руси (в данном контексте Древняя Русь – это локальная цивилизация) попали под влияние восточно-средиземноморской цивилизации. Это влияние проявилось, прежде всего, в распространении православия и в культуре, с присущими ей каноничностью, иерархичностью, символизмом. На всех землях Древней Руси складывался общий уклад экономической жизни, связанный с развитием раннефеодальной экономики, в документах и обыденной жизни использовалась общая лексика, имевшая общеславянское происхождение. Например, в статье 78 «Русской правды» Ярослава Владимировича, первого древнерусского свода законов, читаем: «О смерде. Если смерд мучит смерда без княжьего слова, то [платить] 3 гривны продажи, а за мученье – гривну кун; если мучит огнищанина, то 12 гривен, а за мучение – гривну».[7,111] Употреблённые здесь термины имеют в основном общеславянское происхождение и зачастую – соответствие в других индоевропейских языках:

Смердь – (общеслав., имеющее соответствие в других индоевроп. яз.) «сильный запах, вонь», образовано от др.-русск. *смьрдъ* – «крестьянин», а буквально «вонючий». [8,416]

Гривна – общеслав., краткое прилагательное ж.р. с суф. *ьн* от *грива*, первоначально имело значение «шейная». Позже оно субстантивировалось и получило значение «шейное украшение, ожерелье». Дальнейшее развитие – «драгоценность – слиток серебра как определённая сумма денег».[8,114]

Куна – (куница), общеслав., имеет соответствие в балтских языках (ср. латыш. *kauna*) [8,226]

Огнищанин – владелец двора, огнища. Происходит от слова «огонь», общеславянского происхождения, имеющего соответствие в других индоевропейских языках (ср. лит. *ugnis*) [8,303]

Раб – заимствовано из ст.-сл. яз. Ст.-сл. *Рабъ* восходит к общеслав. *orbъ.*, имеющему индоевроп. характер (ср. лат. *orbis* – «лишённый чего-нибудь»). Первоначальное значение – сирота, далее – «подневольный работник».[8,376]

Общеславянское происхождение имеют также получившие широкое распространение на белорусских землях в период раннего феодализма и закрепившиеся в экономической лексике в последующий период слова *ремесло* и *ремесленник*, *холоп*, *челядь*.

Ремесло – известно в вост. - и зап.- слав. яз. Образовано с помощью суффикса *-сло* от основы *ремес-* (ср. лат. *remesis* – «плотник»).[8,388]

Холоп – общеславянское, восходит к *cholpъ*, неясному по происхождению.[8,480]

Челядь – общеслав., образовано с собирательным значением от той же основы, какая в перегласованном виде выступает в *колени* и является род. др.-инд. *kulah* – «род, поколение», лит *kiltis* – «племя».[8,490]

Существенные изменения в экономической лексике происходят в XIII–XVI вв., в период формирования языка белорусской народности, когда этот язык получает широкое распространение в рамках Великого Княжества Литовского, используется представителями разных этнических групп, и происходит насыщение белорусского языка заимствованиями из языков различных европейских народов. В это же время язык, который используется на территории русских княжеств, также претерпевает значительные изменения. По мнению исследователей, «особенностью русского языка являются заимствования из греческого, польского, тюркских языков».[5] В белорусском языке, по причине того, что белорусские земли избежали татаро-монгольского ига, следов тюркского влияния не отмечается.

Белорусский исследователь социально-экономической лексики Т.М. Казаченко, проанализировавшая полоцкие грамоты XIII–XVI вв., отмечает преобладание в этой лексике терминов, которые характеризуют имущественное положение различных слоёв населения и процессы перераспределения земельных владений.[2,128] Причём, для выражения общего понятия «*маёмасць*» (собственность) используется слово «*статокъ*» (древнерусского происхождения). Для определения земельной собственности как объекта владения используется лексема «*земля*» (общеславян.). Для определения конкретных форм земельного владения используются термины *двор*, *поместье* (древнерус. происхождения). Для обозначения разновидностей наследственного имущества используются в основном термины древнерусского происхождения: *дедина* (наследство по линии деда), *отчина* (наследство по линии отца). Вместе с тем, в социально-экономической лексике полоцких грамот присутствует ряд терминов, возникших под польским влиянием: *маёнтак* (земельное владение), *материзна* (наследство по линии

матери), латинизмов (*аренда, монета*), немецкого происхождения (*фольварокъ, фунтъ*).[2,130] Автор приходит к выводу, что основу социально-экономической лексики старобелорусского литературно-письменного языка составляли слова, которые перешли в наследство от древнерусской эпохи, или были образованы на белорусской основе, на базе праславянского и древнерусского корнеслова.[2,134]

Заметим, что наибольшую устойчивость имели те термины древнерусской эпохи, которые так или иначе были связаны с аграрным сектором экономики (земельная собственность и виды владений, право наследования земли, повинности). По нашему мнению, сохранение в экономической лексике белорусских земель периода ВКЛ терминов древнерусского периода, объясняется определённым консерватизмом и традиционализмом, присущим крестьянской жизни и жизни шляхты (в той её части, которая была связана с ведением хозяйства на земле). Не очень значительные изменения происходили и в имущественных отношениях. Законы ВКЛ (привилеи, сеймовые постановления, статуты) формировались на базе «звычайёвага» права, заимствовали многие нормы этого права и его лексику. Исследователь истории государства и права Беларуси И. Юхо считает, что само «звычайёвае» права было господствующим на белорусских землях до середины XV столетия. [9,9]

Аграрный сектор экономики сохранял своё преобладающее значение на белорусских землях весь период средневековья. Даже когда в Западной Европе в XVI веке зарождается новый социально-экономический уклад – капитализм, земли Великого Княжества Литовского, равно как и польские земли, остаются аграрной периферией Европы. Напротив-таки, развитие капитализма в Западной Европе подстегнуло процесс экстенсивного развития сельского хозяйства и ускорило закрепощение крестьянства («второе издание крепостничества»). В то же время развитие торгово-экономических связей с Европой стимулировало возникновение новых видов деятельности, связанных с ремеслом и торговлей, знакомство населения белорусских земель с новыми видами товаров, а, значит, обогащение экономической лексики новыми терминами. Возникновение нового направления международной торговли – Ганзейского (по Балтийскому и Северному морям) включило белорусские, польские и русские земли в торговые связи с Европой. В оборот ганзейской торговли (Ганза – Hansa – нем. союз, товарищество) поступали шерсть из Англии, рыба, лес, железо из Швеции, янтарь из района Балтийского моря, пушнина, мёд и воск с русского Севера.

Вследствие того, что главной формой экономических связей с Европой становится торговля, в белорусскую экономическую лексику входят, прежде всего, слова связанные с ведением торговых операций : *вага* (нем. *Waage*, образ. от глагола *wagen* – весить, измерять); *вартасць* (нем. *Wert* – покупная стоимость, ценный товар); *гандаль* (нем. *Handel* – дело, занятие, первоначальное значение – «ощупывать руками»); *гатунак* (разряд товара по

качеству, от нем. *Gattung* – составление подбор), впоследствии в торговле это слово было вытеснено словом *sorte*. [1,58]

Период XIV-XVI вв. на белорусских землях становится временем преодоления традиций натурального хозяйства, укрепления торгово-экономических связей внутри всего обширного государства. Для обозначения мест осуществления торговых операций также используются преимущественно слова немецкого происхождения: *кірмаш* (нем. *Kirmes*), крама (нем. *Kram*, шатёр, покрытие над местом торговли). [1,60] Торговлей и другими видами коммерческой деятельности занимались в основном переселявшиеся из Европы евреи, так как у крестьян не хватало для этого элементарной грамотности и начального капитала, а для шляхтича ростовщичество (по-белорусски “ліхвярства”, от нем. *Geldleiner*) и открытие питейного заведения (по-белорусски “шынок”, от нем. *Schenk* – виночерпий) [1, 60,68] считалось занятием не просто зазорным, но и несовместимым со шляхетским званием.

Сосуществование на белорусских землях различных религиозных конфессий способствовало проникновению из Европы разнообразных художественных стилей (романский, готический, ренессанс, барокко), приглашению мастеров для осуществления строительства и заимствованию приёмов строительной техники. В результате белорусская лексика пополнилась многочисленными заимствованиями из немецкого языка, связанными со строительством (*будаваць, брук, гмах, дрот, дах, мур, палац, пляц, камора, тынк, цвік, цэгла, шыба і інш.*). Любопытно, что казалось бы «самое белорусское» слово «*хата*» имеет аналоги не только в немецком (*Kot(e)*), но и в английском (*cot*) и старо-французском (*cottage*) языках. [1,70-78]

Немецкое происхождение имеет также лексика, связанная с новыми для белорусских земель видами деятельности: *бровар, грабар, друкар, гута, майстар, цагельнік, гартаваць.*

Таким образом, белорусская лексика периода средневековья формируется как под воздействием православно-славянской, так и западной цивилизаций. С православной цивилизацией наши земли были тесно связаны в X-XIV вв., когда формировались присущие феодальному способу производства формы собственности, имущественные отношения, уклад жизни. В XIV –XVI вв. под воздействием изменившейся конфессиональной ситуации, активизации культурных, торговых связей с Западной Европой, белорусские земли попадают под влияние западной цивилизации, что находит отражение в языковых заимствованиях, прежде всего, в изменении экономической лексики.

Литература

1. Выхота В.А. Нямецка-беларускія моўныя паралелі / В.А. Выхота – Мн.:”Энцыклапедыя”, 1999.
2. Казачэнка Т.М. Сацыяльна-эканамічная лексіка са значэннем прадметнасці ў полацкіх граматах ранняга перыяду / Т.М. Казачэнка //Известия АН БССР. Серия: Гуманитарные науки. – 1997.– №2. – С. 128–136

3. Кириенко В.В. Менталитет современных белорусов: монография / В.В. Кириенко.– Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2004. – 225с.
4. Марксистские исследования в области лексики: Лафарг П., Язык и революция, М. — Л., 1930; Его же, Экономический детерминизм К. Маркса, М., 1928. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/le6/le6-1631.htm> . Дата доступа: 8. 11. 09
5. Мароевич Елена. Торгово-экономическая лексика в памятниках Древней Руси XI-XVII вв. (В сопоставлении с сербскими источниками): Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01: Москва, 2004 16с. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.dissers.info/abstract_202249.html. – Дата доступа: 10.11.2009
6. Межуев В. Российская цивилизация – утопия или реальность? // «Россия XXI».– 2000.– №1.[Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.russia-21.ru/XXI/RUS_21/ARXIV/2000/mejlumov_2000_1.htm. Дата доступа: 1.09.2009.
7. Хрестоматия по истории Беларуси.: учеб. пособие. В 2ч. Ч.1. С древнейших времён до 1917г. / сост. Я.И. Трещенок [и др.]; под науч. ред. К.М. Бондаренко. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2008.–623с.
8. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп./ под ред. С.Г. Бархударова. – М.: «Просвещение», 1971.– 542с.
9. Юхо Іосіф.Крыніцы беларуска-літоўскага права / І. Юхо. – Мн.: “Беларусь”, 1991.–237с.